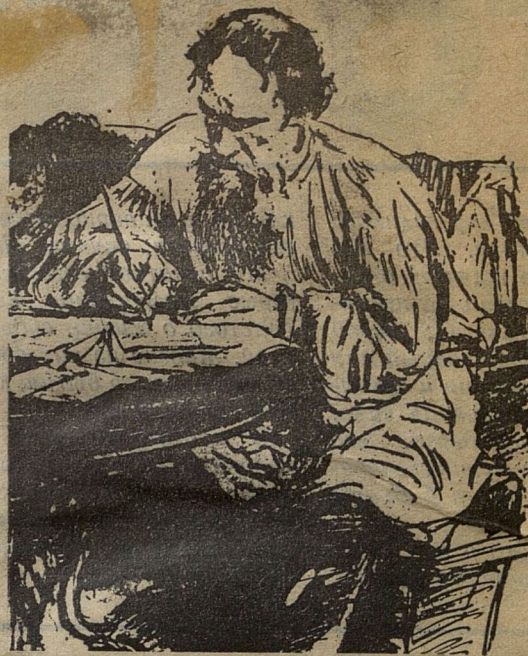

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Л. Н. ТОЛСТОЙ за работой в Ясной Поляне.
1891 г.

Рисунок И. Е. РЕПИНА

Михаил АЛЕКСЕЕВ

БЕСПОКОЙНАЯ НАША СОВЕСТЬ

С ПРИБЛИЖЕНИЕМ юбилейной даты в разосланных редакциями газет и журналов анкетах раньше и прежде всего ставится вопрос: Лев Толстой в вашей судьбе или в вашей жизни. Для русского человека это все равно, ежели бы его спросили: а что для тебя Россия? Мне, например, становится даже жутковато от мысли, что Россия уже была, но в ней еще не было ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Достоевского, ни Гоголя, ни Толстого; при этом становилось щемяще больно и обидно за наших предков, не располагавших такими духовными сокровищами. В этих случаях с каким-то обостренным чувством припоминаются слова А. Герцена, тоже великого сына России:

«Книга — это духовное завещание одного поколения другому... приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; а в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы входим в во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего».

В самом деле, могли бы мы подняться на огромную нравственную высоту, не вошедши во владения Толстого, — разве не вместе с нами шли его творения на всех трудных перевалах нынешнего века? Взнос этого великана в сокровищницу непреходящих духовных ценностей так велик, что перед его именем склоняется в благоговейном почтении весь просвещенный мир. Таким образом, составляя нашу величайшую национальную гордость, Лев Толстой одновременно принадлежит всему человечеству.

Гениальнейшее дитя России, Толстой дорог нам всем не только своими творениями, не только тем, что поместил в своем сердце все боли, все страдания, все муки своего народа и все противоречия своего времени, но и тем, что всей своей страстной душой, беспокойной совестью стремился к правде, к более гармоничному человеческому обществу, мучительно размышляя о судьбах не только русского народа, но и всех людей на земле. Не было такого уголка, такого тайника в душе человека, куда бы не проник его пронзительный и бесстрашный взор, не было такой боли, на которую не отозвалось бы его сердце горячим состраданием. Потому, верно, трудно, почти невозможно было отыскать вопросы человеческого существования, которых бы так или иначе не коснулся Толстой в художественных или своих произведениях, в публицистике или теоретических работах.

В этой связи припоминаются признания (кажется, А. Куприна), где с предельной откровенностью рассказано о том, как он, Куприн, провел несколько бессонных ночей в поисках сюжета, «не тронутого» великим старцем. В какую-то минуту сочинитель радостно воскликнул: «Ну, вот уж этого-то у Толстого не было!» И — сейчас же за письменный стол. В несколько часов был написан рассказ. А ночью пришлось вскочить с постели, подбежать к книжному шкафу, выхватить какой-то томик Толстого, лихорадочно перелистать его и вновь воскликнуть, но только уж в отчаянии: «Было и это!»

Да, было. Было потому, что «матерый этот человекище» нес бессменную вахту, держа не только руку, но и сердце свое на пульсе страждущего человечества. Он умер в трагическом неладу с породившим его классом, умер, чтобы навечно сохраниться в сердце трудового люда, ставшего нынче в нашей стране единственным и полноправным наследником и распорядителем величайших духовных ценностей.

Бесконечно совестливый и беспощадно требовательный к себе, прежде всего к себе, непревзойденный мастер, он говорил в письме к П. Д. Боборыкину:

«Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда неистощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать гегершие дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и по-любить жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы».

Его будут читать и через тысячелетия.

А мы, поколения сменяющихся, подобно волнам, его наследников, входя в его неохватные владения, будем все-светно гордиться Родиной своей, Россией, давшей человечеству Льва Толстого.

Толстой — это целый мир. И вместе с тем Толстой — это Россия, ее беспокойная совесть.

Расул ГАМЗАТОВ

...И В СУДЬБЕ МОЕГО НАРОДА

ТРУДНО представить себе то время, когда аварцы жили без Пушкина, не читали Лермонтова, ничего не слышали о Толстом, не наслаждались чтением Чехова. Если бы в прошлом веке они их прочитали, может, и сама история пошла бы по другому пути. Настолько велико слово этих гигантов мысли! И среди мировых вершин в литературе один из самых высших пиков — Лев Толстой.

Однажды горцу прочитали вслух «Хаджи-Мурата». Он сказал: «Такую умную книгу мог написать только бог, но не человек». «Хаджи-Мурат» — наша история, наша гордость. Это книга о человеке, и написана она человеком. Ничего божественного, конечно, в этом нет. Но талант, гений, одаренность заставили ожить историю, на века сохранить ее подлинность.

Широко известно, как Толстой любил наши горские песни. В «Моем Дагестане» я уже писал о песнях матери Хаджи-Мурата. Жалко, что Толстой их не знал. Будь они у него под рукой, он бы непременно их использовал. Но и сама повесть звучит сегодня как песня, как гимн человеку.

Толстому невозможно подражать. Ему можно следовать. Как-то Абуталиб сказал: «Шляпу-то он купил, как у Льва Толстого, такую же голову где бы ему достать?»

У Толстого нужно учиться. Он — вечный наш учитель. МАХАЧКАЛА

Гариф АХУНОВ

ГОРА

ТОЛСТОЙ вошел в мою жизнь с детства. Еще учеником начальной школы читал я его рассказы о зайцах, лисицах и других лесных зверях: написаны они так искусно, что потом даже живые зайцы, за которыми мы с друзьями гонялись, когда шли в школу в соседнюю деревню, казались сошедшими со страниц толстовских книг для детей. Эти рассказы я читал на татарском языке: ведь переводы на мой родной язык некоторых произведений Л. Н. Толстого появились еще до революции.

Вторая «встреча» с Толстым произошла в Казанском университете. Мы, филологи, безмерно гордились тем, что учимся в том же учебном заведении, где учился будущий великий писатель земли русской, что сидим мы в тех же аудиториях, где слушал лекции молодой Лев Толстой. И потому нам хотелось узнать, прочитать все, буквально все, что вышло из-под его пера. Мы с огромным интересом читали, внимательно изучали, теперь уже на русском языке, его рассказы и романы, начиная с «После бала», созданного по казанским материалам, до «Войны и мира» — досконально. Помню, с каким упоением читал я «Воскресение», «Хаджи-Мурата» и «Анну Каренину», навсегда оставившие в моем сердце глубочайшее впечатление.

Снова перечитывал я полюбившиеся книги, снова изучал творчество Льва Николаевича Толстого, редактируя его переводы на татарский язык. И в который раз был поражен мощью его таланта, энергией толстовского размаха и широтой охвата русской действительности, его знанием народного языка, его уверенной и свободной манерой письма, психологической точностью в создании характеров героев.

Просто удивительно, как Лев Николаевич Толстой сумел воплотить в своих произведениях вековой нравственный опыт великого русского народа!

Недаром сравнивают Толстого с горой: посмотришь на эту гору — падает с головы шапка.

КАЗАНЬ

Виктор ШКЛОВСКИЙ

УМЕНИЕ НЕ УСТАВАТЬ

ЧТО в моей жизни значит Толстой, чему он меня научил?

Он научил меня трудному искусству. Это искусство — умение самому видеть мир, узнавать действительность.

Умение не уставать. Быть к себе справедливым, то есть уметь спрашивать с себя, умение работать и жить.

Недавно я смотрел хронику. Оператор, мало знавший свою работу, но жадный к работе, снимал Льва Николаевича Толстого. Это было в 1909 году. Лев Николаевич в довольно тяжелом ватном пальто подошел к коню, взялся за луку седла, поставил ногу в стремя.

Он умело взялся за гриву и ловко, как будто незаметно для себя сел в седло, и конь не дрогнул.

А Толстому было тогда больше 80 лет.

Он работал каждый день и первую часть дня называл первой упряжкой. пилил и колот дрова, потом разносил дрова по дому. По возможности каждый день ездил на коне: верст десять—пятнадцать.

Он рано вступил в молодость, жадно жил и умел отодвигать от себя старость.

Какого количества черновиков предшествовало почти каждой его странице, как он умел проверять условия жизни людей, их совесть, их обязанности, их возможности! Страницы, написанные в глубокой старости, не только не хуже — нет, лучше того, что он умел делать в молодости.

Он умел ставить перед собой как будто невыполнимые задачи. Подготовка материала к неосуществленному роману о Петре I поразительна. Поразительно и то, что Толстой умел спрашивать с себя, как с ученика. К своей работе умел быть требовательным. Многому можно научиться у Толстого, но для себя могу сказать одно: не всякий ученик все может.

Антти ТИМОНЕН

НАД ЕГО КНИГАМИ

КАК большой корабль на море оставляет волны, на которых покачиваются большие и малые суда, так и в жизни гиганты мысли не дают покоя каждому находящемуся поблизости человеку. Если волны от корабля быстро утихают, то следы от гигантов человеческой мысли чувствуют многие поколения со все возрастающей силой.

Владимир Ильич Ленин, по воспоминанию Максима Горького, оценил Толстого словами, лучше которых никто не сказал: «— Какая глыба, а? Какой матерый человекище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было...»

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого».

Был один интересный финский писатель Арвид Ярнефельт, который как в своих книгах «Земля принадлежит всем!» и «Дети матери земли», так и в личной жизни старался идти в фарватере Л. Н. Толстого. Ярнефельт знал русский язык, переписывался с создателем «Войны и мира» и под влиянием переписки и творчества Толстого отказался от карьеры юриста, без всякой житейской необходимости стал заниматься земледелием, был даже кузнецом.

А Ярнефельт оставил заметный след в финской литературе, но от подражания Л. Н. Толстому не стал Толстым. Лев Толстой остался единственным, неповторимым в золотом фонде человеческой культуры.

Как это ни парадоксально, мой путь к произведениям Толстого лежит через Ярнефельта. Роман «Воскресение» и некоторые другие произведения Толстого я в юности читал на финском языке. В оригинале я смог прочитать Толстого только в более зрелые годы, незадолго до Отечественной войны.

Когда речь идет о Толстом, как-то неудобно называть себя писателем. В 30-е годы я имел уже порядочно рассказов и даже сборник, но под влиянием Толстого я сильно колебался: имею ли я право даже мечтать стать писателем? Но Великая Отечественная война не позволила мне молчать. Я почувствовал необходимость рассказать о пройденном пути. Летом 1945 года, уже после Победы, в Австрии, в офицерском резерве, мне в руки попали все тома «Войны и мира», которые я читал еще до войны, но теперь у меня было время перечитать. Там же я разыскал «Севастопольские рассказы». После повторного их чтения я отважился написать «От Карелии до Карпат», но с обязательной оговоркой под заглавием в оригинале на финском языке: «Рассказы по военным дневникам».

Прошли годы, была учеба на Высших литературных курсах. Я глубже и во всяком случае больше изучил Толстого. И когда взялся за свою основную книгу «Мы карелы», над которой я работал в течение десяти лет, путеводным ориентиром в работе мне служила главная идея «Войны и мира»: в критические моменты истории нации всегда решают сами народные массы. Столетия не могут отменить эту великую идею великого Толстого.

ПЕТРОЗАВОДСК